

Оразбаева А.И.
**Геополитический аспект
казахской государственности**

Статья посвящена изучению теоретико-методологических вопросов геополитического аспекта национальной государственности казахов. Автором работы уделено особое внимание соотношению понятий «государство» и «государственность», пониманию роли и значения территориально-пространственного, природно-климатического факторов в формировании национальной государственности. Специфика промежуточного географического расположения территории Казахстана между пространственными границами оседло-земледельческих культур, как с юго-западных ее рубежей, так и с северо-восточных, активная вовлеченность населения Великой степи (начиная с древнейшей эпохи) в политическую орбиту взаимодействия различных государств и цивилизационных волн, сочетание горных, пустынных, лесных ландшафтных зон, а также отдаленное расположение от океанов и морей, предопределили не только склад хозяйственно-экономических типов, а также и форму государственности в данном регионе. Согласно утверждению автора статьи, нельзя ограничивать национальную государственность казахов лишь рамками Казахского ханства (XV – XVIII вв.), так как она подразумевает возникновение и развитие казахского государства, его различные типы, формы и функции на разных этапах своей истории, преемственность и обновление политической, структурной и территориальной организации казахского общества в целом.

Ключевые слова: государство, государственность, национально-государственная идентичность, социокультурная общность, геополитический фактор, цивилизационное пространство.

Orazbaeva A.I.
**Geopolitical aspect
of Kazakh statehood**

The article studies the theoretical and methodological issues of the geopolitical aspects of national statehood of Kazakhs. The author of the work paid particular attention to the relationship of state and statehood concepts, to the understanding of the role and significance of theoretical and spatial, natural and climatic factors in the formation of national statehood. Specificity of the geographical location of Kazakhstani spatial boundaries between sedentary agricultural crops and the active involvement of the population of the Great Steppe in the political orbit of interaction of the various states and civilizational waves coupled with a combination of mountain, desert, forest landscape areas and remote location from the oceans and seas, determined form as well as economy of statehood in the region.

Key words: state, statehood, national and state identity, socio-cultural community, geopolitical factor, civilizational space.

Оразбаева А.И.
**Қазақ мемлекеттілігінің
геосаяси қыры**

Мақала қазақ мемлекеттілігі геосаяси қырының ілімдік-әдіснамалық мәселелерін зерттеуге арналған. Жұмыс авторы мемлекет және мемлекеттілік ұғымдары арақатынасы, ұлттық мемлекеттіліктің қалыптасуындағы территориялды-кеңістіктік, табиғи-климаттық факторлардың рөлі мен маңызына баса назар аударады. Қазақстан территориясының оңтүстік-шығыс және солтүстік-шығыс межелерінің екі бірдей отырықшы-егіншілік мәдениеттер кеңістігі шекаралығында орналасу ерекшелігі, ежелгі заманнан бастап Ұлы Дала жұртының әртекті мемлекетаралық қатынастар мен өркениеттер орбитасына белсенді түрде тартылуы, таулы, шөлді, орманды ландшафтық аймақтардың қатар қамтылуы, теңіздер мен мұхиттардан алыс орналасуы, оның тек шаруашылық-экономикалық қалыптасу типін ғана анықтаумен шектелмей, сонымен қатар аталмыш аймақтағы мемлекеттілік пішініне де өз әсерін тигізді. Мақала авторының пайымдауынша ұлттық мемлекеттілік ауқымын тек қазақ хандығы (XV–XVIII вв.), шеңберімен шектеу қателік.

Түйін сөздер: мемлекет, мемлекеттілік, ұлттық-мемлекеттік сәйкестілік, әлеуметтік мәдени қауымдастық, геосаяси фактор, өркениеттік кеңістік.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАЗАХСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

«Дух ландшафта обуславливает различия в пространстве, дух эпохи – различия во времени».

Вальтер Шубарт

Понятие «государственность»: этимология и теория

Сначала о терминах. Обретающее в последнее время все большую популярность в мире понятие «государственность» оказалось в фокусе современного геонаучного дискурса, наряду с тождественными с ней по смысловой нагрузке категориями, скажем, как идентичность, самобытность, суверенность, независимость и др. Об отсутствии универсального определения, многовариативности и разноаспектности изучаемой дефиниции свидетельствует также целостная научно-теоретическая эволюция концепций государственности [1], берущая начало с идей Полибия, Аристотеля, Сунцзы, Аль-Фараби, Ибн Халдуна.

В качестве примера можно было бы привести ряд современных толкований специалистов различных научных позиций. Так, активно занимающиеся научными разработками в данной области российские юристы-государствоведы, обобщив понимания этого термина, приходят к заключениям о том, что «государственность – это составляющая нашей жизни, включающая в себя историческую, культурную, национальную, религиозную и другие компоненты; это некая, обусловленная историческим развитием каждого народа связь между государственными институтами и эффективностью их функционирования, характер которой обусловлен тем, насколько они органично связаны с данной страной на каждом конкретном этапе ее развития», а также призывают к отчетливому пониманию того, что «...это не абстрактное понятие. Она выражается в конкретных государственно-правовых формах, в которых находят проявление определенные традиции и особенности, оказывающие влияние на различные стороны государственности, позволяющие его охарактеризовать как конкретную государственность» [2].

Тогда как среди зарубежных исследователей заметного интереса конкретике формулировки феномена *statehood* не наблюдается. Традиционно государственность рассматривалась здесь как объективная правовая теория. Все же наиболее близ-

кой к нашему современному восприятию рассматриваемой категории пришлось эмоциональное высказывание известного израильского историка и военного теоретика Мартин ван Кревельда о государстве-корпорации: «...это абстрактная сущность, которую нельзя увидеть, услышать или потрогать. Эта сущность не идентична правителям или подданным: ни президент Клинтон, ни гражданин Смит, ни даже собрание всех граждан, действующих сообща, не могут претендовать на то, что они являются государством. С другой стороны, государство включает в себя их всех и претендует на то, чтобы стоять над всеми ними» [3, 11].

Вместе с тем здесь следует отдельно отметить труды основателей теории цивилизации, изучающих государство или же государственность не как надстроечный элемент, легитимное средство насилия, отражающий классовый конфликт в обществе, а как функциональный, устойчивый и эволюционирующий составной компонент цивилизационной регуляции [4].

Согласно цивилизационной теории, тип государства, его социальная природа определяются не столько объективно-материальными, сколько идеально-духовными факторами. Исходя из чего, цивилизационный подход выделяет три важных принципа соотношения государства и духовно-культурной жизни общества:

во-первых, рассматривая государство, необходимо учитывать не только социальные интересы и действующие силы, но и весь исторический опыт прошлого;

во-вторых, государственная власть как центральное явление мира политики может рассматриваться в то же время как часть мира культуры, что помогает раскрыть связь государственной власти и престижа морали, ценностных ориентаций, сложившегося мировоззрения, символики и т.д.;

и, наконец, в сфере государственной жизни особое значение придается различиям, вытекающим из своеобразия национальных культур и черт национального характера.

В современных условиях девальвации социокультурных ценностей проблема национальной государственности обретает особую актуальность также в казахстанской исторической науке [5]. Все же стоит отметить, что мотивацией к проявлению бурного интереса к проблеме национальной государственности послужило не столько внезапное обострение «синдрома патриотизма» отечественного научного социума, сколько инициированная Президентом Н. Назар-

баевым национальная идея «Мәңгі Ел» и решение о праздновании 550-летия казахского ханства на государственном уровне.

Озадаченные, главным образом, теоретическим осмыслением длительной истории государственно-правовой организации казахского общества отечественные исследователи предпринимают попытку рассмотрения данного феномена и его атрибутов в рамках новых теоретико-методологических концепций и подходов. Поскольку характеристики казахской государственности на разных этапах ее развития должны содержать и научную оценку, оценочные суждения, что и когда было эффективно и полезно по критериям качества жизни, «человеческого измерения», а что, наоборот, ошибочно, вредно, вело в тупик, порождало неразрешимые противоречия, конфликты. И все это, разумеется, необходимо изучать с учетом конкретно-исторических особенностей, знания культуры, казахских традиций, национальной и социальной психологии, религиозного и вообще, духовного развития Казахстана на определенном этапе и т.д.

Историографический анализ творчества исследователей различных аспектов проблем государственности демонстрирует, что главным предметом научного дискурса выступает вопрос о соотношении понятий «государство» и «государственность». Так, по общепризнанному мнению исследователей, эти категории не идентичны по значению, поскольку государственность не только не сводима к государству – она заметно шире по своему значению. Разумеется, государство здесь играет важную роль, поскольку в нем сосредоточены властные отношения, оно выступает носителем суверенитета, хранителем культурных ценностей общества. Однако под государственностью обозначается вся система отношений людей по поводу организации жизни в конкретно-исторический период времени, сложный комплекс элементов, структур, институтов публичной власти, обусловленных самобытностью (спецификой) социально-экономических, политических, духовно-нравственных условий жизнедеятельности конкретного народа или объединения народов на определенном историческом этапе развития общества. «Государственность – это определенное состояние общества, государство, взятое в эволюции. Государственность, которая на разных этапах истории выступает в разных формах государств того или иного этноса, народа, в разных типовых характеристиках, с разной формой правления, с разными функциями, тем не менее, все это го-

сударственность, т.е. государство, находящееся в развитии» [6]. Как видим, термин «государственность», несмотря на сравнительно недавний срок обретения своей научно-теоретической оценки, превращается в один из универсальных методологических инструментов познания природы, специфики, традиции национальной государственности.

В действительности вопрос национальной государственности относится к числу не требующих по отношению к себе специальных определений либо официальных признаний извне, реально тонких, сугубо деликатных проблем этнополитогенеза, понятных, прежде всего, на историко-генетическом уровне представителям данной политики. Поскольку речь идет об историческом процессе формирования единой политической и правовой культуры в определенном ареале. Государственность – категория, обладающая национально-духовной природой, национально-культурной ориентированностью, отражающая накопленные данным народом (народами) духовные и иные социальные ценности. Она затрагивает права и интересы, политико-правовой опыт конкретной социокультурной общности. И здесь мы совершенно солидарны с мнением российского ученого А.С. Шабурова о том, что: «Историю Отечества недопустимо каждый раз писать «с нового листа». Игнорирование исторической справедливости и продолжения государственности, отказ от накопленного опыта ведет к ущербности и долговечности закрепляемого строя» [7, с. 128].

Следовательно, для осмысления казахской государственности необходимо изучение государственной власти в генезисе, начиная с ранних кочевых государств саков, гуннов, уйсьней, тюрок, монголов, казахов, учитывая столь значимые государственно-правовые реформы, проведенные во время правления Моде шаньюя, Бумын-кагана, Истеми-кагана, Чингис-хана и заканчивая преобразованиями собственно казахских ханов – Есима, Касима, Тауке, Кенесары.

Исходя из вышеизложенного теоретико-методологического посыла ошибочно было бы ограничивать национальную государственность казахов лишь рамками Казахского ханства (XV–XVIII вв.), так как она подразумевает возникновение и развитие казахского государства, его различные типы, формы и функции на разных этапах своей истории, преемственность и обновление политической, структурной и территориальной организации казахского общества в целом, словом государственно-правовые про-

цессы, происходящие в течение длительного периода жизнедеятельности тюркского этноса на территории Казахстана.

Геополитический аспект казахской государственности

Геополитика – относительно молодая наука, изучающая жизнеспособность государства, проводимую им внутреннюю и внешнюю политику в зависимости от его географического расположения, а также рассматривающая государство как географический организм или феномен в пространстве.

Описание того, что есть геополитика, что является предметом и объектом геополитики как науки и самостоятельной дисциплины, усвоение существующих внутри данной науки основополагающих теорий и концепций, теоретико-методологических школ и направлений, выходит за рамки настоящей статьи. Хотя все же стоит упомянуть о том, что еще далеко до придания данному направлению науки его основателями Ф. Ратцелем и Р. Челленом большей политической окраски, для объяснения причин социально-исторического многообразия мыслителями различных эпох были выдвинуты идеи о влиянии географической среды на развитие общества. Так появились в научной среде континуумы «Человек и природа», «Общество и окружающий мир», «Цивилизация и пространство», «История и география», «Этнос и ландшафт», «Первоначало и ландшафт» и др. К примеру, стремясь объединить историю и географию в единую «геоисторию», Ф. Бродель отводил особую важную роль среде обитания человека [8]. Согласно его концепции, «степи и горы, возвышенности и низменности, моря, леса, реки и другие географические структуры определяют рамки деятельности человека, пути сообщения, а следовательно, и торговли; местоположение и рост городов». Именно на их основе возникают медленно изменяющиеся экономические и социальные структуры, к изучению которых призывали представители школы «Анналы».

Безусловно, географический фактор оказывает непосредственное влияние и на государственное строительство (форму правления, политический режим, основные параметры внутренней и внешней политики), формирует характер населения, способы его самоорганизации, культуру и быт. Ландшафт тесным образом влияет и на образ государственности. Ярким примером тому являются Восток и Запад. Совер-

шенно разные пути развития, принципиальные отличия в области их территориальной организации, центральной власти, институтов и т.д.

К примеру, для наследницы античной эпохи – европейской цивилизации – был присущ демократический тип государственности, основы которой были заложены еще в Греции и Риме. Признание прав частной собственности в качестве «естественных, прирожденных прав человека» создало основу для превращения демократического государства сначала в либеральное правовое государство, а в дальнейшем – в государство, принципом которого становится плюралистическая демократия.

Интенсивная организация экономической подсистемы обществ западного типа привела к возникновению нового типа социальных систем, отличающихся от экстенсивного «восточного типа»: «Западная матрица характеризуется базовыми институтами рыночной экономики, началами федерации в политическом устройстве и доминированием индивидуальных ценностей в идеологической сфере, а восточная, соответственно, нерыночной экономикой, унитарной государственностью и приоритетом коммунарных, надличностных ценностей» [9, с. 28].

Тогда как ассоциирующаяся с «восточной деспотией», «поголовным рабством» централизованная государственная власть, стоявшая над восточными сельскими общинами являлась классическим образцом предельной концентрации политической власти и собственности в руках одного лица – обожествленного деспота, монарха, его аппарата и полного его отчуждения от остальной массы населения. Однако это не означало, что при данном типе государственности не существовало ни права, ни упорядоченной системы правосудия и что в древневосточных государствах индивиды были бесправными и не обладали свободой. Напротив, в сфере гражданско-правовых отношений они располагали не меньшей свободой, чем индивиды в западных странах. Если на Западе в качестве инструмента регулирования поведения индивида внутри общества выступает закон, то на Востоке правил сам человек, руководствующийся моралью и привычкой, сословно-правовой статус которого, как правило, не совпадал, а чаще всего расходился с его социально-экономическим положением. При этом ни его принадлежность к определенной социальной категории, ни материальное благосостояние, ни наследственно-генетические данные, а сила, способность, авторитетность и

внутренняя культура служили основанием уважительного отношения к нему в обществе.

В отличие от традиционного становления государства как публично-политической власти, государственность кочевников евразийских степей проявлялась в многовековой межцивилизационной динамике, ключевой характеристикой которой была ее обращенность внутрь. По сравнению с «первичными» восточными цивилизациями, где государство являлось объединяющей и организующей силой, не определяемой, а определяющей социальные и экономические структуры, а также государствами «вторичных» западных цивилизаций, выступающих лишь компонентом, во многом подчиненным культурно-религиозной системе, государственность в кочевых обществах сложилась как особая форма этносоциального и этнотерриториального объединения. Речь идет о неравномерности общественного развития, т. е. разновременности прохождения различными человеческими общностями определенных исторических этапов, о влиянии на этот процесс не только объективных, но и субъективных факторов, что является одной из самых фундаментальных закономерностей. В свою очередь, такая закономерность ведет и к разновременному возникновению государственности, т. е. процессу появления и развития государств у разных народов. Поэтому совершенно справедливым выглядит в данном контексте заключение авторов монографии «Казахстан: эволюция государства и общества» о том, что «...государство есть результат Западной и Восточной цивилизации, тогда как применительно к истории Великой Степи, государственность (а не государство) является основой (а не результатом) цивилизационного процесса. И в этом заключается фундаментальное различие политической характеристики цивилизации кочевников» [10, с. 24-25].

Географическая область, где возник так называемый «евразийский» или «внутреннеазиатский тип» [11] кочевничества, расположена на стыке Запада и Востока, в самом центре Евразийского материка. Север ее – лесостепные зоны с относительно высоким уровнем увлажнения, запад – сухая степь, чередующаяся с полупустынями и пустынями Каракумов и Кызылкумов. Пустынные низменности, граничащие на юге с берегами Каспия, отличаются жарким летним климатом, а горные районы Джунгарского Алатау и Тарбагатай на востоке – холодной зимой. Характеристиками такой экосистемы кочевников выступают: аридность, континентальность,

высокая чувствительность к внешним воздействиям, посезонная продуктивность, скудность растительного покрова, дефицит атмосферных осадков, повышенная солнечная радиация, периодичность засухи, предрасположенность почвы к эрозии. Все эти факторы обуславливают низкую плотность кочевого населения (колебание от 0,5 до 2 чел. на один кв. км). Соответствие же подобных географических характеристик природным условиям почти всей территории Казахстана органично определило основным способом природопользования и хозяйственной деятельности ее населения на протяжении нескольких тысячелетий всех трех известных человечеству основных хозяйственно-культурных типов, различия между которыми заключались как в природных контрастах, так и в исторических традициях хозяйствования: *кочевое скотоводство – на западе, кочевое и полукочевое – в центральной зоне и оседло-кочевое – на юго-востоке.*

Изначальная обусловленность историко-культурного развития со спецификой промежуточного географического расположения территории Казахстана между пространственными границами оседло-земледельческих культур как с юго-западных ее рубежей, так и с северо-восточных, активная вовлеченность населения Великой степи (начиная с древнейшей эпохи) в политическую орбиту взаимодействия различных государств и цивилизационных волн, наличие в недрах всех элементов таблицы Менделеева, сочетание горных, пустынных, лесных ландшафтных зон, а также отдаленное расположение от океанов и морей, предопределили склад хозяйственно-экономических типов, соответственно и форму государственности в данном регионе. И мы можем наблюдать здесь также за развитием во взаимодействии казалось бы несовместимых, относящихся к разным «духовным расам» человечества, земледельческой и кочевой культуры.

Известный номунолог Н. Крадин, по характеру отношений, существовавших между кочевой и земледельческой подсистемами Евразии, выделяет три типа кочевых империй:

- в первом случае кочевники и земледельцы не составляли единой взаимосвязанной экономической системы и единого политического организма, что вынуждало кочевников получать прибавочный продукт путем так называемой «дистанционной эксплуатации», характеризующейся периодичными набегами и вымогательством «подарков», навязыванием неэквивалентной торговли;

- во втором типе кочевники и земледельцы составляли единый политический организм, однако между их экономическими системами отсутствовала тесная связь. При этом предполагалась данническая эксплуатация зависимых земледельческих государств в рамках единой политической системы;

- империи третьего типа создавались после завоевания кочевниками земледельческих обществ, на их территории. Соответственно, кочевое ядро и земледельческо-городское население входило в состав одного социального организма. Данному типу было характерно регулярное налогообложение земледельческого и городского населения [12, с. 175-176].

Как видим, для возникновения и формирования государственности казахов, берущей начало с цивилизации кочевников евразийских степей, принципиальное значение имело то обстоятельство, что культура кочевников являлась по своему генезису природной. Кочевое общество черпало свой цивилизационный ресурс не из технологии обработки земли, к чему собственно и восходит опережающее технологическое развитие Запада, а из технологии самоприспособления социального организма к природным условиям. Именно благодаря различиям в экономической, политической, социальной ментальности имело место первоначальное расхождение культуры кочевников с земледельческими культурами (как Запада, так и Востока).

Так, если политические системы оседлых обществ были основаны на классовой дифференциации, то у кочевого общества – на социальной. Здесь сыграло свою роль и функциональное различие в организации власти, смысл которой заключается в том, что государство земледельческих обществ возникло как институт-инструмент обеспечения экономических интересов. Государство кочевого общества появилось в качестве интегрирующего макросоциальный организм или субкультурный регион в единую социально-политическую общность. Следовательно, речь здесь должна идти не о государстве как о таком, а о государственности, которая включает в себя, прежде всего, социокультурную основу функционирования политического организма.

Геополитический аспект казахской государственности, помимо роли и значения территориально-пространственного, природно-климатического факторов в формировании казахской государственности, предполагает также изучение вкуче ряда проблем, связанных с цивилизационным пространством государственности.

Проблемы цивилизационного пространства национальной государственности

Цивилизационное пространство национальной государственности казахов наряду с собственной территорией, охватывает и районы других цивилизаций, где были ощутимы влияние их норм и ценностей евразийских кочевников. Поскольку «границами» [13, с. 71] цивилизационного пространства в рамках теории цивилизации следует воспринимать не пограничную линию, а контактную полосу ее с соседними цивилизациями: на севере – с православно-русской, на юге – с центральноазиатскими (оседло-земледельческими культурами), на востоке – с китайско-конфуцианской и на западе с восточноевропейскими. Хотя опять-таки в науке до сегодняшних дней разночтимо на этот счет взгляды А. Тойнби, видевшего в мобильности скотоводческих народов ту динамическую силу, которая определяла потенциал этапов культурного и этнического развития всего Старого Света или Ф. Броделя, наблюдавшего в кочевниках тот фактор, который прерывал периоды медленной эволюции, вызывая могучие всплески политической истории, передаваемые от Германии до Китая.

Несмотря на неоднозначность оценки исторической роли кочевников в мировой истории, взаимодействие евразийских кочевников с обществами Старого и Нового Света всех исторических эпох: древности, средневековья, *во временном*, с Западом и Востоком *в пространственном*, традиционными и современными типами обществ или культурами и цивилизациями, *в социокультурном измерении* – неоспоримый исторический факт.

Так, известные во всемирной истории как ранние и поздние кочевники, рубежом между которыми, по определению нomaдологов, выступает сер. I тыс. н.э., активно вовлекались в миграционные процессы, охватившие территории с границ Китая до Западной Европы. Не вдаваясь в детали географии, хронологии, причин, одним словом параметров миграций и этнической принадлежности кочевых народов Евразии, в качестве примера достаточно было бы упомянуть об амплитуде передвижений западных гуннов, положивших начало Великому переселению народов и придавших, тем самым, импульс миграционным процессам мирового масштаба.

Примером тому служат империи гуннов в Восточной Европе и Передней Азии, созданные усилиями легендарного Атиллы (Едил), или же

– государство мамлюков, всемерно насаждавшее на Ближнем Востоке культурные традиции Дашт-и Кипчака благодаря деятельности своего правителя – султана Бейбарыса и других доблестных сыновей степи, оказавшихся на чужбине, о которых было сказано, что потомки южных гуннов – племена династии Ашина, успевшие образовать к середине VI в. на склонах Алтайских гор Тюркский каганат («Түркі Елі», «Вечный Эль», «северное царство коней»), простиравшийся (до его разделения в 603 г. на Западнотюркский и Восточнотюркский каганаты) от Алтая на востоке до Черного моря на западе и до Индии на юго-востоке.

Как видим, в ряду факторов, придающих своеобразие государству, не последнее место занимают территориально-пространственные. Отличительной особенностью кочевой цивилизации следует назвать преобладающее влияние территориального фактора. По сути, именно природно-климатические условия выступили здесь определяющей константой не только хозяйственной организации жизни, но и оставили неизгладимый отпечаток на системе политических, духовно-экзистенциальных ценностей. Кроме того, невозможно не заметить того очевидного факта, что пронизывающее насквозь всю целостную структуру цивилизации кочевников евразийских степей [14] (в дальнейшем сокр. ЦКЕС – А.О.) мировоззрение гармоничного развития человека с окружающей природной средой, восприятие предками казахов земли как источника своего жизненного начала, обители своих предков – «Атамекен», почтительное, доверительное отношение к ней, не могли породить формой собственности в данном цивилизационном пространстве – земельную, и это опять-таки без учета строгого соблюдения кочевниками преемственности государственной традиции, заложенной уже упомянутым Модешаньюем, согласно которой «основой государства» во все времена для кочевников выступала Земля!: «Изначальный страх – это преобладающее чувство землелашца, который сидит на своем не слишком плодородном клочке земли в раздробленной, тесной стране и в жесткой борьбе с северной природой отвоевывает скудный урожай... Так он живет в постоянном страхе перед случайностями, в заботах о будущем, в вечной войне с сорняками, опасаясь града, морозов, засухи, наводнений. – В отличие от этого, изначальное доверие есть преобладающее жизненное чувство кочевника. Без всякого плана он гоняет туда сюда свои стада по бескрайней,

бесконечной, кажущейся неистощимой степи. Он не обеспокоен заботами; ему незнакомы тяготы оседлой жизни; он уверен в неиссякаемой питающей силе матери-земли. Для него она не противник, как для земледельцев, у которого они вырывают плоды своего труда, а мать, которая и милостива, и щедра» [15, с. 89].

Кроме того, в осмыслении природы социополитической организации ЦКЕС особую значимость приобретает характер связи демосоциальных организмов с территорией. Так, по сравнению с фиксированными территориальными границами геосоциальных организмов, границы территории демосоциальных организмов обладали естественной пространственной структурой. Не затрагивая здесь сложную проблему (требующую отдельного изучения) о природной предначертанности контуров естественных территориальных границ ЦКЕС, отметим, что в силу подвижности хозяйственной жизнедеятельности кочевые социальные организмы обладали большей степенью независимости от занимаемых ими территорий, нежели, напрямую зависевшие от изначально занятых определенных мест в пространстве, оседло-земледельческие хозяйства. Выражением такой самостоятельности демосоциальных организмов по отношению к территориальному фактору следует признать мобильность всего социального образования как единого целого.

Государственность кочевников евразийских степей отличало постоянное движение отдельных социальных организмов внутри одной целостности, которое, в свою очередь, определялось сущностными чертами цивилизационной структуры и исторически обусловленными внутренними и внешними импульсами. Возможно, именно по этой причине выделяемые кочевниками типичные признаки политико-потестарной системы кочевников, такие, как эфемерный и временный характер; милитаризованность, нестратифицированность, экономическая автаркичность, двойственность природы степных империй – централизованных во внешних делах, но консультативных и гетерогенных внутренне; отсутствие бюрократического аппарата, управленческо-редистрибутивной деятельности; отсутствие системы престолонаследия и т.д., не позволяют им признать наличие здесь государственности.

Следовательно, именно недооценка доминирующего присутствия феномена самоподвижности всей социополитической структуры привела к отрицанию самой возможности функ-

ционирования и развития института государства и его атрибутов в условиях кочевого образа жизни. Мы полностью солидарны с выводом номадолога Е.И. Кычанова, который утверждает следующее: «Осознать, что канцелярия или иное ведомство кочевого государства, будучи размещены в юрте и двигаясь со скотом «в поисках воды и травы», по сути своей не отличались от уездного ямыня или конторы в одном из павильонов дворцового комплекса. Подвижность канцелярии не превращала ее из государственной канцелярии в некий патриархальный или военно-демократический институт» [16].

Таким образом, социальная принадлежность любого уровня у кочевников имеет свойство реализации посредством гибкости собственной общественной организации через свободу перестройки их социальной структуры. Такая особенность трансформации кочевых организмов во временные, единые, гомогенные общности при возникновении экстремальных ситуаций обусловила концентрацию чиновничьего аппарата кочевников в военной и судебной сферах.

Так, в относительно устойчивые времена (*«қой ұстiне боз торғай жұмыртқалаған кезең»*), например, в период правления Тауке-хана) общественная организация кочевников строилась главным образом в соответствии с хозяйственно-экономическими интересами. Это приводило к значительному ослаблению организационных связей внутри племен и родов, возрастанию значимости территориальных связей, к несостоятельности и даже к исчезновению общеплеменных институтов власти и управления, поскольку текущие вопросы решались наиболее влиятельными членами (аксакалами) родов и племен при участии глав соответствующих подразделений. В нестабильные же периоды (*«аласыпыран заман»*), как правило, в период набегов, войн, миграций общественная организация кочевников быстро и эффективно перестраивалась: военно-политические интересы выступали на первый план, а хозяйственно-экономические, в том числе межродовые и межплеменные столкновения сходили на нет. Происходила консолидация родов, племен и всего кочевого организма, появлялись относительно централизованная власть и аппарат управления. Вот что пишет об этой особенности В. Бартольд: «Кочевой народ при нормальных условиях не стремится к политическому объединению; отдельная личность находит для себя полное удовлетворение в условиях родового быта и в тех связях, которые создаются жизнью и обычаем между отдельными родами,

без каких-либо формальных договоров и без создания определенного аппарата власти» [17].

Еще один пример касательно механизма «прилива» или «отторжения» социокультурным организмом кочевников из своей среды необходимых на настоящий момент социальных групп (ханов, акынов, жырау, биев, батыров, иначе говоря, представителей «интеллигенции» традиционного периода в политико-историческом уразумении значения данного понятия), способных безболезненно разрешить переживаемое обществом то или иное критическое состояние.

Следовательно, закономерным выглядит то, что управленческие структуры кочевых государств, стоявшие над традиционными социальными институтами, складывались у кочевников не в результате классообразования, а на базе военной и родоплеменной организации, и государственная власть здесь исторически возникла через переход военно-демократических форм организации в военно-потестарные структуры, в вождества, а от вождеств уже в государственную структуру так называемым в государствоведении «аристократическим путем». Такие системы общественных связей лежат как в основе военной организации номадов – «народа-воина», и являются, прежде всего, знаком культурной традиции кочевников, так и в основе политической организации «народа вольного» (КАЗАХ!), независимого, свободлюбивого, выступающего также знаком своей культурной самоидентичности.

Таким образом, характере территориальной организации казахской государственности обнаруживают очевидное присутствие в нем специфических особенностей, несводимых к тра-

диционным западному и восточному аналогам, так как здесь заметную роль сыграл именуемый исследователем У. Айонсом географический «фактор своего поля» [18, с. 26], в соответствии с которым механизмы и способы территориальной организации отличались чрезвычайной мобильностью.

Итак, естественность территориальных границ кочевого общества имеет ключевое значение, отражаясь на всей структуре хозяйственной, политической, духовной организации жизни кочевников. С этой точки зрения, доминирование геополитического фактора не могло не играть решающей роли в оформлении контуров цивилизационного пространства национальной государственности.

Следовательно, цивилизационное пространство казахской государственности, ее универсальные черты неуничтожимы ни обстоятельством, ни временем. Благодаря пластичной конституции внутренних структур, черты и параметры государственности обладают возможностью распространяться как на прошлые, так и на настоящие, и на будущие формы эволюционного усложнения данной территориальной политики.

Как мы смогли убедиться, все вышеперечисленные феномены были обусловлены изначальным поиском предками казахов гармонии, будь-то отдельного кочевника с самим собой, с обществом или с окружающей его природой. Следовательно, невозможно было бы переоценить роль и значение геополитических факторов в сложении национальной государственности казахов.

Литература

1 Пирумова Ю.А. Научно-теоретическая эволюция концепции государственности: аналитический обзор основных исследований // Власть, 2011. – №7. – С. 40-43; Антология правовой мысли. В 5 т. / Нац. Обществ.-науч. фонд: Руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999.

2 Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. – М., 1995. С. 10–14; Лукьянова Е.А. На стыке эпох континентов. К истории российской государственности. Пособие для реформаторов. – М., 2002. – С. 8-14; Тимофеева А.А. Проблемы становления и развития российской государственности : учеб. пособие / А.А. Тимофеева. – М.: Флинта: МПСИ, 2009. – С. 7; Шабуров А.С. Государство и государственность: вопросы соотношения // Известия ИГЭА, 2012. – №3(83). – С. 126-130.

3 Кревельд Мартин ван. Расцвет и упадок государства / пер. с англ.; под. ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. – М.: ИРИ-СЭН, 2006. – 544 с.

4 Toynbee A. Mankind and Mother Earth., 1978. P.5 92; Вебер М. Избранное. – М., 1990. – С. 646-647; Servise E. The origins of State and Civilization. N.Y., 1975. P.XI-XIII; Eisenstadt S.N. Political Systems of Empires. N.Y.1963; Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago, 1975.

5 История казахской государственности (древность и средневековье): монографическое исследование. – Алматы: изд. «Адамар», 2007. – 416 с.; Кәрібаев Б.Б. Қазақ хандығының құрылу тарихы. Докт. диссертация авторефераты. – Алматы, 2010 – 40 б.; Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ-де 2014 ж. 10 қазанда өткен Қазақ мемлекеттілігі және Еуразия кеңістігі: тарихи мен қазіргі кезең. XI Еуразиялық ғылыми форум материалдарының жинағы. –Астана: ЕҰУ баспасы. – 530 б.

- 6 Венгеров А.Б. Будущее российской государственности // On-line библиотека www.xserver.ru
- 7 Шабуров А.С. Государство и государственность: вопросы соотношения // Известия ИГЭА. – 2012. – №3(83). – С. 126-130.
- 8 Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч.1: Роль среды / пер. с фр. М.А. Юсима. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
- 9 Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. – М.: ТЕИС, 2000. – С. 28.
- 10 Абенов Е. М., Арынов Е. М., Тасмагамбетов И. Н. Казахстан: эволюция государства и общества. – Алматы: Институт развития Казахстана, 1996. – 390 с.
- 11 Хазанов А. М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. – Т. 5. – М., 2002. – С. 38; Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы: Дайк-пресс, 2000. – 604 с.
- 12 Крадин Н. Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. – Вып. 3. – М.: Наука, 1995. – С. 157–179.
- 13 Черняк Е. Б. Цивилизография. – М.: Междунар. отношения, 1996. – 384 с.
- 14 Оразбаева А.И. Цивилизация кочевников евразийских степей. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
- 15 Шубарт В. Европа и душа Востока / пер. с нем. З. Г. Антипенко и М.В. Назарова. – М.: Альманах «Русская идея» (вып. 3, 2-е исправленное издание), 2000. – 448 с.
- 16 Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Восточная литература РАН, 1997. – 302 с.
- 17 Бартольд В. В. Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. – Алматы: Жалын, 1993. – 192 с.
- 18 Кочевая альтернатива социальной эволюции. – Т. 5. – М., 2002.

References

- 1 Pirumova Y.A. Scientific and theoretical evolution of the concept of statehood: an analytical overview of the main research // Power 2011. – №7 – S.40-43; Anthology of legal thought. In 5 t. / Nat. Scientific Societies. Fund: Head scientific. G.Yu.Semigin project. – М.: Thought, 1999
- 2 Korzhikhina T.P., Senin A.S. The history of Russian statehood. М., 1995, pp 10-14; L. Lukyanova: At the crossroads of epochs and continents. On the history of the Russian state. Allowance for reformers. – М., 2002. – P. 8-14; Timofeev A.A. Problems of formation and development of Russian statehood: a tutorial /Timofeev A.A. – М.: Flint: SAG, 2009. – С.7; Shaburov A.S. State and State: the issues of correlation // Proceedings of ISEA 2012 – №3 (83) – S.126-130.
- 3 Martin van Creveld. The rise and decline of the state / Trans. from English. under. Ed. Yu.Kuznetsova and A.Makeeva. – М.: IRISEN, 2006. – 544 p.
- 4 Toynbee A. Mankind and Mother Earth., 1978. P.592; Weber M.Izbrannoe. М., 1990. – S.646-647; Servise E. The origins of State and Civilization. N.Y., 1975. P.XI-XIII; Eisenstadt S.N. Political Systems of Empires. N.Y.1963; Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago, 1975.
- 5 The history of the Kazakh state (antiquity and the Middle Ages): monographic study. – Almaty: Vol. «Hadamard», 2007. – 416 p.; Karibaev B.B. The history of the Kazakh Khanate. Doctoral thesis, dissertation. Almaty, 2010 – 40b.; Scientific Conference dedicated to the day of independence of Kazakhstan in the Eurasian National University named after L.N. Gumilev: history and modern times. Materials of the XI Eurasian scientific forum. – 530 b.
- 6 Vengerov A.B. The future of Russian statehood // On-line Library www.xserver.ru
- 7 Shaburov A.S. State and State: the issues of correlation // Proceedings of ISEA 2012 – №3 (83) – p.126-130.
- 8 F. Braudel, the Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II: in 3 parts. Part 1: The role of the environment / Translated from the French MA Yushima. – М.: Languages Slavic culture, 2002. – 496 p.
- 9 Kirdina S.G. Institutional matrix and the development of Russia. – М.: TEIS, 2000.
- 10 Abenov E.M., Arynov E.M., Tasmagambetov I. Kazakhstan: the evolution of the state and society. – Almaty Kazakhstan Development Institute, 1996. – 390 s.
- 11 Khazanov A.M. Nomads of the Eurasian steppes from the historical perspective // Nomadic alternative social evolution. – Т. 5. – М., 2002. – С. 38; Khazanov A.M. Nomads and the outside world. – Almaty: Dyke-Press, 2000. – 604 s.
- 12 Kradin N.N. Nomadism in the civilizational and formational development // Civilization. – Vol. 3. – М.: Science, 1995. – s. 157-179.
- 13 Chernyak E.B. Civiliziography. – М.: International relationship, 1996. – 384 p.
- 14 Orazbayeva A.I. Civilization of nomads in the Eurasian steppes. Almaty: Dyke-Press, 2005.
- 15 Schubart W. Europe and the soul of the East / Translated from german by Antipenka Z.G. and Nazarov M.V. – М.: Almanac «Russian idea» (vol. 3, 2nd revised edition), 2000. –448 p.
- 16 Kychanov E.I. Nomadic State of the Huns to the Manchus. – М.: Eastern Literature Russian Academy of Sciences, 1997. – 302 p.
- 17 Bartold V.V. Turks: Twelve lectures on the history of the Turkish peoples of Central Asia. – Almaty: Zhalyln, 1993. – 192 p.
- 18 Nomadic alternative to social evolution. – Volume 5 - М., 2002.